

Тема: Россия — государство-цивилизация

ИЗГАРСКАЯ Анна Анатольевна — доктор философских наук; ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8; aizgarskaya@gmail.com)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И МИРОСИСТЕМНЫЕ ФАКТОРЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье с позиции синтеза теории геополитической динамики Р. Коллинза, идеи миросистемного подхода и теории социальных революций Т. Скочпол проведен анализ проблемы территориальной целостности России, поставленной президентом В.В. Путиным. На основе базовой модели роста и упадка геополитического могущества государства в миросистеме описаны условия и основные факторы, способные привести российское общество к дезинтеграции. Обозначен ряд структурных различий в характеристиках исторических случаев распада российской государственности, проведен сравнительный анализ с современной ситуацией. Автор делает вывод, что опасения, высказанные президентом России В.В. Путиным, относительно возможного распада страны находят подтверждение в результатах научного анализа, проведенного на основе апробированных теорий. Для обоснованных рекомендаций по устранению существующей опасности необходимо широкое научное и экспертное обсуждение.

Ключевые слова: миросистемный подход, геополитическая теория, теория социальных революций, территориальная динамика, территориальная целостность России

Введение. 26 февраля 2023 г. в интервью телеканалу Россия-1 президент РФ В.В. Путин выразил озабоченность опасностью возникновения тенденции территориального распада российского государства¹. Тревога президента небезосновательна, и сегодня отечественная наука не может быть в стороне от осмысления обозначенной им проблемы. В XX в. наша страна пережила четыре революции, и все они в достаточной мере исследованы отечественными историками. Описаны причины, течение, даны характеристики движущих сил, политических партий, даны оценки личностей, которые возглавляли массы или влияли на политический процесс. Однако использовать сегодня этот исторический опыт затруднительно. И основная сложность использования данного багажа определяется не тем, что подчас анализ и оценки исторических событий ученые делали на базе различных, часто диаметрально противоположных онтологических, аксиологических и теоретико-методологических оснований. Главная сложность заключается в том, что в данном случае требуется не просто знание массива фактов для проведения аналогий или объяснения уже прошедшего события, но и понимание, что необходим теоретический инструментарий, позволяющий делать номологическое предсказание. Исторических аналогий будет недостаточно для того, чтобы увидеть опасность в будущем и тем более ее предотвратить. Для этой цели нужна теория, которая может как обеспечить номологическое объяснение прошлых катастроф России, так и стать надежным основанием для определения явлений на горизонте ее будущего.

Теоретическая база исследования. Поставив перед собой проблему территориальной целостности государства, поднятую президентом России, необходимо отдавать себе отчет, что движение к ее решению сопряжено не только с теоретическими сложностями, но и, что немаловажно, с коллизиями, возможными

¹ Путин заявил, что русский народ может не сохраниться в случае распада России. — ТАСС. 26.02. 2023. Доступ: <https://tass.ru/politika/17143665> (проверено 21.03.2023).

вследствие современной политико-идеологической насыщенности и остроты темы. Попытаться избежать подобных проблем можно посредством стремления к объективности и исключая идеологические оценки. Стремление к получению объективного знания является общим императивом науки. Сохранить непредвзятость выводов в текущей ситуации сложно, но и отложить анализ проблемы в надежде на более благоприятный период невозможно, это бы означало ее замалчивание.

Для того чтобы сохранить объективный взгляд на текущие процессы, подчеркнем требования к современной научной теории и постараемся их придерживаться. Во-первых, научная теория должна быть идеологически нейтральной. Здесь следует согласиться с тем, что абсолютной идеологической нейтральности достичь невозможно. Даже деятельность в точных науках сопряжена с понятием истины, которая выступает как ценность. Исследование факторов территориальной дезинтеграции также не может быть полностью ценностно нейтральным, поскольку ориентировано на выявление опасностей и предотвращение очередной катастрофы, на возможность которой указал президент В.В. Путин. Под идеологической нейтральностью в данном случае будем понимать способность теории объяснять и предсказывать явления территориальной динамики субъекта мировой политики независимо от характера его политического режима и идеологии. Следующим требованием является фальсифицируемость научной теории (в терминах К. Поппера). Предлагая теоретическую модель, ученый изначально полагает, что это знание не является истиной в последней инстанции, что возможна аномалия, которая может его опровергнуть. При этом столкновение с аномалией ставит перед ученым задачу ее адаптации, что должно способствовать развитию теории (в терминах И. Лакатоса). Поэтому возможные ошибки носят научный характер.

В качестве теоретико-методологического основания территориальной динамики государства будем использовать миросистемный подход [Валлерстайн 2020], теорию геополитической динамики Р. Коллинза [Коллинз 2015] и теорию социальных революций Т. Скочпол [Скочпол 2017]. Выбор в пользу этих направлений обосновывается несколькими причинами. Во-первых, территориальная динамика является результатом конкуренции государств за пространство и ресурсы. Конкуренция за пространство и за ресурсы – два взаимосвязанных процесса, которые во многом сформировали современное общество. Их взаимосвязь, включая фактор милитаристского господства в процессе накопления капитала, зафиксирована в 1913 г. Р. Люксембург [Люксембург 1934: 326–327]. Именно эти процессы являются предметом исследования геополитики и миросистемного анализа. Геополитическая теория Р. Коллинза описывает территориальный рост и причины распада государства, миросистемный анализ позволяет увидеть государство и подконтрольное ему общество в мировой системе разделения труда, а следовательно источники и величину необходимых для геополитической конкуренции ресурсов. Теория Т. Скочпол описывает само течение государственного распада, в котором геополитическая составляющая, а именно война и непомерные затраты на военные нужды, играют роль катализатора разрушительного процесса.

Во-вторых, сравнение миросистемного подхода и теории Р. Коллинза с концепциями конкурирующих парадигм обнаруживают преимущества первых [Изгарская 2008]. Основное преимущество эвристических потенциалов их объяснительных моделей обеспечено тем, что данные модели построены

на основе онтологии, содержащей взаимосвязи внешнего и внутреннего. Указанная взаимосвязь присутствует, например, в таких базовых понятиях теории Р. Коллинза, как «преимущество в ресурсах», «преимущество в территории», «чрезмерное расширение». Категории «ядро», «полупериферия», «периферия» миросистемного подхода содержат эту взаимосвязь. Принцип международного и всемирно-исторического контекста задает взаимосвязь внешних и внутренних факторов в модели социальных революций Т. Скочпол [Скочпол 2017: 52-62].

В-третьих, предсказательный потенциал теорий Р. Коллинза и И. Валлерстайна проверен временем. Р. Коллинз создает теорию роста и распада государства в 1978 г., на ее основе он делает предсказание распада Советского Союза [Collins 1986: 186-209]. И. Валлерстайн предсказывал, что в случае распада СССР начнется процесс деградации обществ до уровня периферий миросистемы. Он утверждал, что включение в мировую систему разделения труда приблизит Россию к Америке, «но только не к Северной, а Южной» [Дерлугьян 2015: VII]. Сегодня несложно заметить, что для большинства регионов современной России предсказание И. Валлерстайна сбылось. Сложно сказать, была ли теория Т. Скочпол теоретическим основанием успешного предсказания какой-либо социальной революции. Считается, что социальные революции – «быстрые, фундаментальные трансформации государственных и классовых структур общества» [Скочпол 2017: 25] – являются крайне сложным для научного предсказания явлением. Однако следует отметить, теория Т. Скочпол является одной из наиболее признанных современным научным сообществом теорий социальных революций, при этом революционные события 1917 г. в России она использовала как один из трех случаев, представляющих собой эмпирическое основание теории. Важным в методологическом плане является и то, что Р. Коллинз использовал теоретическую модель Т. Скочпол для интерпретации процесса распада СССР [Коллинз 2015: 99-108]. Иными словами, на основе теории Т. Скочпол объяснено два случая российских революций, сопровождавшихся значительными территориальными потерями, поэтому нет оснований не использовать ее в качестве инструментария для анализа перспектив развития современной ситуации.

В-четвертых, парадигмы, определяющие философские основания этих трех теорий, а именно марксизм, характерный для И. Валлерстайна и Т. Скочпол, и неовеберизм – для Р. Коллинза, на сегодняшний день в социологии часто рассматриваются как взаимодополняющие (Р. Коллинз, М. Манн, Т. Скочпол, Ч. Тилли). Например, Р. Коллинз относит эти два направления к общей для них традиции конфликта и отмечает, что XX в. смешивает идеи Маркса и Вебера [Коллинз 2009: 108]. Свою модель территориального роста и распада государства он предлагает синтезировать с моделью Т. Скочпол, имеющей в своих научных основаниях как марксистскую идею классовой борьбы, так и теорию элит М. Вебера [Коллинз 2015: 92-97]. Близость философских оснований парадигм и взаимодополняемость теоретических конструкций позволяет создать общий инструментарий для анализа ситуации в современной России.

Результаты исследования. Рассмотрим полученную на основе синтеза трех концепций общую базовую модель роста и упадка геополитического могущества в миросистеме и на ее основе проинтерпретируем сложившуюся ситуацию в России (см. рис. 1).

Центральная часть модели отображает четыре (из пяти) принципа геополитической динамики Р. Коллинза: левая – миросистемные переменные, правая – модель теории социальных революций Т. Скочпол.

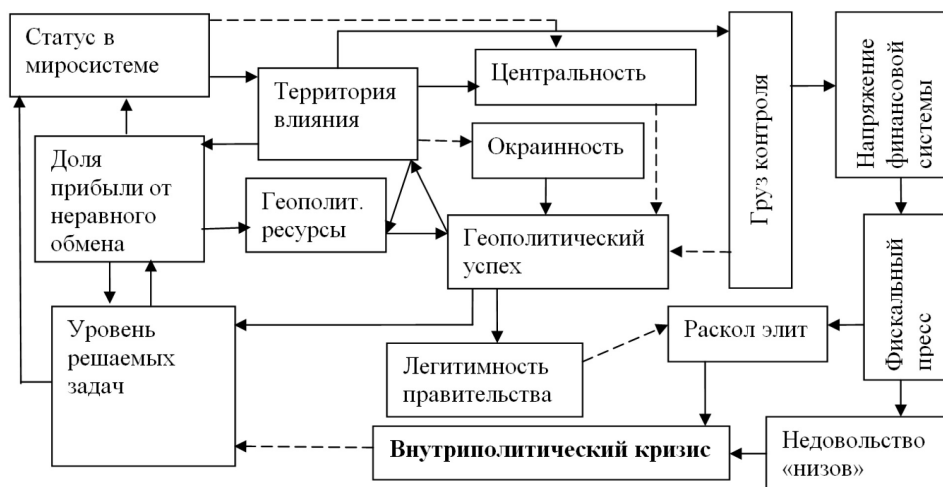

Рисунок 1. Базовая модель роста и упадка геополитического могущества государства в миросистеме

—▶ — положительная связь

----▶ — отрицательная связь

На протяжении последних четырех столетий Россия то усиливала свои позиции в международной системе, то теряла преимущества и испытывала процессы периферизации, но она никогда не входила в экономическое ядро миросистемы и никогда не становилась периферией. Постепенно наращивая преимущество в размерах территории и ресурсах, она расширялась, превращая внешние территории в свои внутренние периферии. Однако в XX в. Россия претерпевает распад государства в 1917 г. и в 1991 г. И в начале, и в конце XX в. распад сопровождался территориальными потерями, и оба случая привели к противостоянию мировой системе. Вопрос о том, как получилось, что современная Россия, проигнорировав опыт СССР, в очередной раз выступила с антисистемной повесткой, оставим историкам, сосредоточимся на проблеме, поднятой президентом России, – проблеме территориальной целостности страны.

Территория влияния и геополитические ресурсы. Первый принцип Р. Коллинза имеет следующую формулировку: «преимущество в размерах и ресурсах благоприятствует территориальной экспансии» [Коллинз 2015: 82]. Синтез с миросистемным подходом позволяет утверждать, что таким преимуществом в миросистеме обладает ее ядро, включающее в себя самые передовые в области экономики и технологического развития общества и их государства. На этапе расширения миросистемы государства ядра объединены общей повесткой сохранения и распространения в международной системе определенного порядка, который обеспечивает их экономический рост капитала и стабильность системы связей неравного обмена с перифериями и полуперифериями. Государства ядра способны длительный период поддерживать между собой состояние мира и, как отметил Дж. Арриги, исключать из системы потенциально опасные для нее субъекты, затрудняя им доступ к самым богатым рынкам, новейшим технологиям и недостающим для развития ресурсам [Arrighi 1990: 18].

Российское государство – самое обширное государство современного мира

и превосходит по ресурсам большинство своих соседей, что в полном соответствии с теорией благоприятствует территориальной экспансии. Но на сегодняшний день речь идет не о соотношении возможностей отдельных государств, а о соотношении ресурсов России и потенциала блока стран, который принял вызов, брошенный российской политической элитой. Свое предсказание распада СССР Р. Коллинз основывал на соотношении ресурсов советского и капиталистического блоков. Он показал, что советский блок мобилизует на военные нужды количество ресурсов, сопоставимое с тем, что тратит его противник, но в совокупных экономических ресурсах уступает ему примерно в 4,6 раза [Коллинз 2015: 99]. Сегодня нет необходимости сравнивать цифры середины 1980-х гг. и современные показатели; соотношение совокупных ресурсов и сейчас не в пользу России, что является очевидным фактом, поскольку бывшие союзники СССР и ряд бывших советских республик оказались противниками российского государства.

Помимо этого, советская экономика развивалась относительно автономно от мировой капиталистической системы разделения труда, была многоотраслевой, централизованной, но способствовавшей подъему уступавших ей в развитии внутренних и целого ряда внешних периферий. Экономика постсоветской России оказалась встроенной в мировую систему разделения труда на уровне поставщика ресурсов, имеющего сверхцентрализованную систему концентрации капитала в столице и обширные, но стагнирующие внутренние периферии. Например, с 1999 г. крупный московский капитал приступил к широкой экспансии в регионы Сибири, которая по своим ресурсно-сырьевым богатствам и масштабам их освоения занимает уникальное место не только в России, но и в мире. В результате, как отметил Л.А. Безруков, началось перераспределение собственности базовых предприятий Сибири между частными общероссийскими компаниями и госкорпорациями страны, а вместе с тем и масштабное, закрывающее для богатейших сибирских регионов возможность развития изъятие ресурсов¹. Сети неравного обмена сформированы таким образом, что «значительная часть финансовых ресурсов, имеющих сибирское “происхождение”, минует бюджетные системы самих регионов Сибири, распределяясь сразу между федеральным бюджетом, бюджетом Москвы (или Санкт-Петербурга) и финансово-промышленными группами, контролирующими базовые предприятия макрорегиона» [Безруков 2018: 85]. С позиции длительной перспективы очевидно, что существующие системные условия, препятствующие развитию российских регионов, противоречат задачам сохранения и приумножения ресурсного могущества России.

Следует отметить, что правительство России предпринимало попытки диверсификации экономики, неоднократно провозглашало необходимость модернизации и импортозамещения. Однако инициативы не достигали намеченных результатов. Показательным примером несостоявшихся преобразований может быть попытка модернизации страны правительством президента Д.А. Медведева, призвавшего граждан создать «новую» Россию. По мысли автора проекта, необходимо было сделать рывок, сравнимый по масштабам

¹ «В 2015 г. суммарная чистая прибыль (2 497 млрд руб.) семи крупнейших компаний и госкорпораций, эксплуатирующих сибирские ресурсы («Газпром», «ЛУКОЙЛ», «Роснефть», «Сургутнефтегаз», «Транснефть», «РУСАЛ» и «Норильский никель»), в 1,4 раза превышала совокупный объем консолидированных бюджетов всех регионов Сибири (1 764 млрд руб.) и в 7,4 раза превосходила общую величину получаемых ими трансфертов из федерального бюджета (338 млрд руб.)» [Безруков 2020: 31].

с преобразованиями Петра I и советской индустриализацией¹. Но рывок не состоялся. Не были учтены структурные условия существования современной России. С позиции миросистемного подхода петровские преобразования проходили в период, когда сети неравного обмена с ядром еще не были сформированы. Советская модернизация протекала в условиях относительной автономии от мира капитала, который в 1930-е гг., испытывая тяжелейшее потрясение от Великой экономической депрессии, продавал молодому социалистическому государству технологии в большом количестве. Обе модернизации создали основу военного могущества этих государств. Реформы Петра I позволили России войти в европейскую геополитику, как выразился И. Валлерстайн, «при шпаге» [Валлерстайн 1996: 38], а советская модернизация создала базу, позволившую советскому народу внести решающий вклад в победу во Второй мировой войне. Постсоветская Россия, напротив, очень быстро создала сети неравного обмена с ядром. На этой основе была сформирована экономическая элита страны. Сети неравного обмена стали источником ресурсов для функционирования государства. В отличие от петровского и советского периода, извлекаемый капитал, львиная его доля, направлялся за рубеж. Отсутствие успеха в модернизации не может не вызывать озабоченность в готовности страны длительно противостоять господствующему мировому порядку.

Период противостояния России мировому порядку отчетливо наблюдается с 2014 г. Постепенно нарастающее давление санкций со стороны государств ядра и их союзников направленно на затруднение России доступа к самым богатым международным рынкам, новейшим технологиям и недостающим для ее развития ресурсам. Несомненно, здесь можно заметить, что на современном этапе в условиях санкций Россия находится в ситуации схожей с Советским Союзом, поскольку вынуждена решать задачу относительно автономного развития от мировой системы разделения труда. Однако для оптимизма сегодня оснований мало. Современная Россия не решает проблему через интенсивное развитие регионов, как это происходило в советский период. Сегодня предпринимаются попытки компенсировать рвущиеся связи с ядром переносом акцента международной активности на страны полупериферии и периферии, в частности на страны БРИКС, а после начала специальной военной операции (СВО) особенно большие надежды возлагаются на Китай. Однако существует опасность, что даже в рамках БРИКС Россия будет играть роль поставщика природных ресурсов, а это означает, что она опять окажется в начальных звеньях товарных цепочек, только сети неравного обмена будут формироваться не с богатыми экономикой ядра, а со странами полупериферии и периферии. Механизм формирования ресурсов для обеспечения государства как политического института общества не изменится, но результатом может стать периферизация, какой еще не было в истории нашей страны.

Геостратегические характеристики границ государства. Второй и третий принципы теории геополитической динамики описывают положение государства в системе и устанавливают зависимость его территориальной динамики от характеристик его границ – окраинности и центральности. Окраинные государства обладают геостратегическим преимуществом. Их границы защищены некоторым географическим фактором (например, островное положение, обширные водные пространства, горные цепи), в результате чего они имеют

¹ Медведев Д. Россия, вперед! 10 сентября 2009 г. Доступ: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/5413> (проверено 31.08.2023).

врагов на меньшем числе фронтов. Такие государства «расширяются за счет государств, имеющих врагов на большем числе границ» [Коллинз 2015: 82-83]. Обращает на себя внимание соответствие этим характеристикам границ гегемонов миросистемы, а именно Голландии (XVII в.), Великобритании (XVIII в., XIX в.), США (XX – начало XXI вв.). Третий принцип описывает геостратегические неудобства центрального положения. Р. Коллинз указывает, что если границы государства блокированы или расположены в центре региона, то такие государства стремятся заручиться поддержкой более могущественного субъекта международной политики, а также «имеют тенденцию дробиться на более мелкие единицы» [Коллинз 2015: 83].

Российская Федерация является государством с самой протяженной сухопутной границей, поэтому даже в мирные периоды ее территорию сложно описать как окраинную. Имея характеристики центральности, но будучи обширной, богатой, интенсивно развивающейся державой, Россия способна выступить на международной арене защитником, третейским судьей и интеграционным центром. К сожалению, сегодня ситуация иная. На российских границах растет число государств – потенциальных противников, а многие бывшие союзники устремлены к иным интеграционным центрам. Синтез геополитической теории и миросистемного подхода позволяет утверждать, что рост негативных характеристик центральности имеет под собой геоэкономические основания.

После распада СССР бывшие советские республики, включая Россию, усиленно боролись за более благоприятную нишу в мировой системе разделения труда. И если в советский период они составляли единое целое, то теперь они становились конкурентами в поставках ресурсов на международный рынок или стремились воспользоваться своим транзитным положением. Ярким примером могут быть газовые войны России с Белоруссией. В качестве примеров можно привести скандал с поставками Белоруссией ГСМ в виде «органических растворителей» на рынок прибалтийских стран вопреки договоренности с Россией (2012 г.), попытку разорения белорусского производителя калийных удобрений (2013 г.). С позиции миросистемного подхода видно, что интеграционные процессы на постсоветском пространстве протекают как столкновение интересов разных групп международного капитала (включая московский капитал) за процесс периферизации экономик этих обществ.

Кумулятивные процессы в миросистеме. По мере расширения миросистемы происходит укрепление новых центров, в т.ч. таких, которые способны противостоять господствующему в ней порядку. Как правило, это государства полупериферии, которые смогли накопить достаточное для начала территориальной экспансии ресурсы, но чьи общества, оказавшись в созданном либеральным капитализмом тупике, не могут развиваться¹. Некоторые из них совершают, как отметил К. Поланьи, «побег» из системы [Поланьи 2002: 258]. Они бросают вызов лидерам, оспаривают господствующий мировой порядок, требуют его изменения или предлагают новый. Дж. Модельски называет такие государства «челленджерами» [Модельски 2003а: 459]. В результате такого противостояния мир раскалывается на враждующие блоки. В теории геополитической дина-

¹ О невозможности развития периферизируемых обществ Т. Скочпол пишет: «...по мере включения периферийных регионов мира в мировые экономические сети, выстроенные вокруг индустриально более развитых стран, ранее существовавшие в этих регионах экономические структуры и классовые отношения часто укреплялись или модифицировались таким образом, который был несовместим с дальнейшим самостоятельным и диверсифицированным ростом» [Скочпол 2017: 55].

мики это состояние системы описано следующим образом: «Кумулятивные процессы приводят к долговременному упрощению с массивными гонками вооружений и решающим войнам между немногими противниками» [Коллинз 2015: 84].

Примечательно, что все исторические случаи противостояния системе для челленджеров (Испания, Франция, Германия, СССР) и их сторонников имели трагические последствия [Модельски 2003б: 493; Изгарская 2022: 21–22]. Каждый раз поход против системы оборачивался для ее инициатора катастрофой, которая принимала разные формы: разорения, подписания капитуляции, социальной революции. Теория социальных революций Т. Скочпол также утверждает, что государство, не способное осуществить процесс модернизации, сталкиваясь на международной арене с более могущественным противником, вынуждено наращивать затраты на военные нужды, что приводит к расколу элит, недовольству населения и к внутривнутриполитическому кризису [Скочпол 2017: 210–211].

Сегодня Россия взяла на себя роль челленджера. Знаковыми событиями в этом отношении стали, во-первых, передача в середине декабря 2021 г. американской стороне проектов договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о гарантиях безопасности и соглашений о мерах обеспечения безопасности Российской Федерации и государств – членов НАТО¹ и, во-вторых, начало специальной военной операции на территории Украины 24 февраля 2022 г.

Проводя аналогию с Советским Союзом, можно обратить внимание, что в 1917 г. советская Россия провозгласила возможность нового мирового порядка и смогла, как и сегодня, практически в одиночку противостоять натиску системы в период Гражданской войны и иностранной интервенции (1917–1922 гг.). Данная аналогия может внушить излишне оптимистичные, а значит ошибочные, прогнозы. Октябрьская социалистическая революция произошла во время Первой мировой войны, когда ядро миросистемы было расколото противоречиями. В период послевоенного восстановления мобилизовать достаточное количество просистемных сил и задушить антисистемную революцию в ее колыбели мир капитала оказался неспособен, позже этому не способствовала и Великая депрессия (1929–1939 гг.). Текущая ситуация иная, государства ядра выражают единство и готовность противостоять России. Военный блок противников российского государства сформирован, Россия же пока одинока в своих открытых притязаниях на изменение мирового порядка, что делает заметными различия в ее интеграционных возможностях с интеграционным потенциалом СССР.

Интеграционные возможности Советского Союза были огромными, так как он отвечал на актуальные запросы мировой повестки. После Второй мировой войны Советский Союз мог претендовать на роль гегемона системы. В своих ранних статьях, опубликованных задолго до распада СССР, И. Валлерстайн не исключал возможность возникновения нового типа мировой системы, которая должна была стать «социалистическим миром-правительством» [Валлерстайн 2001: 57]. Будучи первым социалистическим государством, СССР декларировал ценности, которые, начиная с XIX в., были главными составляющими мировой геокультуры. Идеи свободы, демократии, равенства, прав чело-

¹ Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о гарантиях безопасности. – *Министерство иностранных дел Российской Федерации*. 17.12.2012. Доступ: https://mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1790818/ (проверено 31.08.2023).

века, массового образования, приоритета науки были востребованы в мире. В период распада колониальной системы Советский Союз был флагманом, указывающим новым независимым государствам путь к порядку, построенному на этих ценностях, но отражающих содержание марксистско-ленинской идеологии¹. В 1960-е гг. Советский Союз мог предоставить освободившимся от колониального гнета государствам не только экономическую помощь; он мог продемонстрировать передовые достижения в разных сферах жизни общества в качестве убедительных аргументов в пользу социалистического строя.

Есть ли у России подобная по интеграционной силе идеология, может ли Россия в современном ее состоянии, а именно в условиях зависимой от торговли сырьем экономики, стагнирующей внутренней периферии, высокого уровня коррупции, воровства бюджетных средств, социального расслоения, играть роль образца для стран мира, быть гегемоном? Бытие российского социума есть производное от существующего мирового порядка, в рамках которого в течение более 30 лет происходил процесс периферизации огромной, богатой природными и человеческими ресурсами страны, а значит, эти десятилетия Россия показывала пример того, как делать не надо.

В своей идеологической повестке Россия предлагает международному сообществу изменить мировой порядок, сделать мир многополярным. Однако в самой идее многополярности ничего не говорится о сущностных характеристиках общественных отношений нового порядка. Просто поделить мир на зоны влияния не получится, поскольку в природе капитализма, а о каком-либо другом варианте общественных отношений речи не идет, заложены конкуренция и расширение. Неясны и научные основания этой идеи. Предлагая идею многополярности международному сообществу, необходимо понимать, существуют ли для этого объективные предпосылки, каковы механизмы появления таких полюсов, как будут соотноситься параметры их экономического и военного могущества, каков характер отношений будет между полюсами, что будет происходить в процессе формирования неравномерности их развития и т.д. Миросистемный анализ может предоставить инструментарий для поиска ответов на эти вопросы, но идеологические основания современная политическая элита России строит с использованием историсофских идей евразийства [Абрамова, Гончарова, Костюк 2022; Попков, Костюк 2022] и цивилизационного подхода, концептуальные построения которых не позволяют видеть мир как целостность. Цивилизационный подход разбивает мир на ряд уникальных в своих культурных основаниях образований, а идеи евразийства могут быть основанием лишь для процессов интеграции на постсоветском пространстве² и формирования общероссийской идентичности.

Чрезмерное расширение. Гибель государств происходит тремя путями. Во-первых, оно происходит как поглощение центрального государства более могущественными, расширяющимися державами. Во-вторых, катастрофа может настичь государство в процессе войны против системы, это случай челленджера и тех, кто выступает с ним в союзе. Третий путь — распад в результате

¹ Можно согласиться с тем, что реальность была иной, что в действительности эти ценности не были реализованы советской системой, но эти ценности не были полноценно реализованы и капитализмом, в мире капитала «пропаганда лозунгов прав человека, свободы, демократии сама по себе была частью приручения опасных классов» [Валлерстайн 2020: 189].

² Евразийская интеграция может быть понята и как процесс, исключаяющий участие в нем России. Пример такого понимания евразийства в выступлениях президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева описан И.Ф. Кефели [Кефели 2022: 186-187].

чрезмерного расширения. Теория геополитической динамики описывает случаи этого типа следующим образом: «Чрезмерное расширение (*overextension*) приводит к ресурсному напряжению и государственному распаду, или дезинтеграции» [Коллинз 2015: 87]. Эффект чрезмерного расширения возникает в результате существования «ножниц» между скоростью расширения территории и скоростью извлечения с этих территорий ресурсов. Помимо этого, расширяя территорию, государство начинает увеличивать протяженность своих границ, соприкасающихся с границами противников, и полностью теряет характеристики окраинного геостратегического положения. В результате ресурсов для поддержания экспансии и декларируемого на подконтрольных территориях порядка становится недостаточно. Когда таких проблемных территорий оказывается много, то обширные пространства из преимущества превращаются в источник финансовой нестабильности государства, а война выполняет функцию катализатора процесса распада.

В соответствии с теорией Р. Коллинза именно чрезмерное расширение стало причиной распада СССР. Обращаясь к истории, Р. Коллинз показал, что Россия расширяла и укрепляла господство, используя свое территориальное и ресурсное преимущество перед соседями. Однако «эти два преимущества исчезли в XX веке» [Collins 1986: 194]. В процессе территориальной экспансии российское государство утратило свое выгодное окраинное стратегическое положение, приобретая потенциальных противников на многих фронтах. Для СССР поворотной точкой, заложившей тенденцию к распаду, Р. Коллинз называет начало «холодной войны». Процесс распада Р. Коллинз описывает как кумулятивный процесс, вызванный уменьшением размера территории влияния, утратой преимущества в ресурсах и превращением в центральное государство. Он пишет: «...если гипотеза верна, то можно ожидать, что мощь Советского Союза как одного из крупнейших государств, не сумевших добиться мирового господства в решающей битве, пойдет на спад в долгосрочной перспективе» [Collins 1986: 197]. Р. Коллинз был прав, указывая на то, что национальная составляющая в административно-территориальном устройстве СССР проявится в территориальных разломах. Но дробление на мелкие государства «начнется только после первоначального военного поражения или политического кризиса, но, начавшись, будет продолжаться все более быстрыми темпами» [Collins 1986: 196].

Крах Российской империи и распад СССР произошли в результате чрезмерного расширения в ситуациях войн, сопровождавшихся геополитическим неуспехом. Чрезмерные затраты на военные нужды в обоих случаях обрушили экономику, подорвали единство элит, парализовали политические и силовые институты и привели к социальным революциям. При общем сходстве процессов вызревания этих двух социальных революций обращает на себя внимание различие в механизмах распада. В процессе децентрализации Советского Союза важную роль сыграли элиты внутренних периферий. Относительная автономия страны от мировой системы разделения труда требовала многоотраслевого народного хозяйства, что с необходимостью вело к развитию организованных по национальному признаку периферий и укреплению их элит. В гибели Российской империи периферийные элиты не играли заметной роли. Основные противоречия и действующие социальные группы находились в политическом центре страны. Российская периферия и ее элиты не обладали потенциалом для ее развала. На современном этапе распределение ресурсов между центром и российскими перифериями подобно тому, что было в Российской империи, а это означает, что и формирование источника

возможной опасности для стабильности власти находится не на перифериях, а в центре.

Геополитическая динамика и легитимность. Важным фактором в механизме распада государства является утрата политическим лидером легитимности, и геополитическая сфера здесь играет ключевую роль. Р. Коллинз утверждает, что «легитимность правителей государства и стремление государства к империалистической экспансии взаимосвязаны» [Collins 1986: 146-147]. Политического лидера подталкивает к территориальной экспансии стремление обеспечить себе легитимность. Помимо этого, опираясь на учение М. Вебера и ряд эмпирических исследований, Р. Коллинз устанавливает, что «колебания государственного престижа могущества вызывают быстрые сдвиги в легитимности правителей» [Коллинз 2015: 99]. Добивающиеся геополитического успеха правители действительно «создают свою собственную легитимность» и в особых случаях «способны распространить ауру эмоциональной мобилизации для легитимации совершенно нового государства» [Коллинз 2015: 98]. Для территориально обширных держав внешняя экспансия является частым средством поддержания легитимности правителя, она способна спланировать политическую и экономическую элиты. Политическая элита расширяет территорию влияния, экономическая элита превращает ресурсы новой территории в капитал. Однако действия политической элиты могут идти вразрез с интересами экономической элиты. В 1977 г. Т. Скочпол, обосновывая принцип относительной автономии государства от общества¹, указывала, что «военное давление извне и внешнеполитические возможности могут подтолкнуть правителей к проведению политики, входящей в столкновение с фундаментальными интересами господствующего класса и даже, в крайних случаях, противоречащей им. Например, правители государства могут предпринять военные авантюры за рубежом, истощающие внутренние экономические ресурсы или же подрывающие, немедленно или в конечном счете, позиции господствующих социально-экономических групп» [Скочпол 2017: 74-75]. Геополитический провал приводит к внутренним распрям и внутриэлитным конфликтам, к делегитимации и к быстрой смене лидеров на высоких постах.

В истории современной России последних 30 лет такие примеры есть. В качестве повлиявшего на легитимность власти геополитического провала можно рассматривать результаты первой чеченской кампании (1994–1996 гг.) и подписание Хасавюртовских соглашений (31 августа 1996 г.)². Геополитическими событиями, обеспечившими высокий уровень легитимности президенту В.В. Путину, стали в первую очередь проходившие в 1999–2009 гг. контртер-

¹ Будучи представителем марксизма, Т. Скочпол обосновывает положение, отличное от идеи К. Маркса, который допускал некоторую автономность государства от господствующего класса, но только в период, когда интересы этого класса еще не сложились, о чем он писал в статье «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» [Маркс 1980].

² Обращает на себя внимание, что незадолго до выборов президента России с Чечней был подписан лишь договор о прекращении огня. Хасавюртовские соглашения были подписаны после выборов. Со стороны Российской Федерации их подписал генерал-лейтенант А.И. Лебедь, пользовавшийся до этого большим авторитетом в армии и занявший в первом туре президентских выборов третье место. Подписав Хасавюртовские соглашения, А.И. Лебедь лишился поддержки своих избирателей, что уже в октябре позволило Б.Н. Ельцину отправить его в отставку. Низкий уровень легитимности самого Б.Н. Ельцина, которого депутаты Государственной Думы 2-го созыва призвали уйти в отставку (21 августа 1998 г.), компенсировался частой заменой председателей правительства РФ, марш-броском на Приштину (12–15 июня 1999 г.) и принятым решением уйти в отставку.

рористические операции на территории Северо-Кавказского региона, а также события 2014 г., когда «Крым и Севастополь вернулись в родную гавань»¹.

С началом СВО 24 февраля 2022 г. противоречие между миросистемной стратегией страны, направленной на встраивание в миросистему и задающей основной тренд для экономической элиты России, и геополитическими возможностями и устремлениями российского государства в достижении легитимности проявилось с особой остротой. Однако российская экономическая элита является слабой, зависимой от государства. Ее представители не смогут открыто выразить несогласие с политическим лидером, который в результате ряда геополитических успехов смог заручиться доверием широких масс и поддержкой силовых структур. Нельзя утверждать, что на сегодняшний день раскол элит отсутствует. Его латентное состояние обнаруживается в противоречиях между группами политической элиты, ярким примером этому стали события, получившие в российских СМИ название «мятеж ЧВК “Вагнер”»². С научной же точки зрения СВО является случаем, когда взаимосвязь «геополитика определяет легитимность» может быть подтверждена или опровергнута.

Заключение. В заключении следует подчеркнуть, что президент РФ В.В. Путин прав, высказывая опасения относительно территориальной целостности страны. С точки зрения синтеза современной геополитической теории, миросистемного подхода и теории социальных революций Т. Скочпол такие опасения являются оправданными. На основе разработанной модели можно увидеть совокупность объективных факторов в территориальной динамике России, но дать обоснованные рекомендации для устранения опасности дезинтеграции в условиях уже ведущихся военных действий и открытого противостояния мировой системе затруднительно. Это требует не только включения в область исследования дополнительного инструментария, например военнцентрированных концепций, в частности концепции военной экономики, но и более широкого экспертного обсуждения.

Список литературы

Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г. 2022. Отношение российской власти к евразийству: эволюция подходов, итоги и перспективы. — *Евразийский Союз: Вопросы международных отношений*. № 3. С. 232-239.

Безруков Л.А. 2018. Институциональный фактор межрегиональных диспропорций в России (на примере Сибири). — *Региональные исследования*. № 2. С. 79-89.

Безруков Л.А. 2020. Трансформация структур хозяйства и населения Сибири на постсоветском этапе. — *География и природные ресурсы*. № 4. С. 25-36.

Валлерстайн И. 1996. Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500–2010. — *Свободная мысль*. № 5. С. 30-42.

Валлерстайн И. 2001. *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире*. М.: Университетская книга. 415 с.

Валлерстайн И. 2020. *Анализ мировых систем*. М.: УРСС. 400 с.

Дерлугьян Г.М. 2015. Вместо введения. — *Валлерстайн И. Мир-система*

¹ Путин: Крым и Севастополь вернулись в родную гавань. — *РБК. Политика*. 18.03.2014. Доступ: <https://www.rbc.ru/politics/18/03/2014/570419a79a794761c0ce80bd> (проверено 31.08.2023).

² Шойгу впервые прокомментировал мятеж ЧВК «Вагнер». — *РБК. Политика*. 03.07.2023. Доступ: <https://www.rbc.ru/politics/03/07/2023/64a29a9e9a7947528b8db7ef> (проверено 31.08.2023).

Модерна. Т. 1. *Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке*. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. С. VII-XII.

Изгарская А.А. 2008. Внешние и внутренние факторы в теоретических моделях развития общества: (2) Миросистемный анализ и геополитическая теория: современное состояние и возможности синтеза. — *Вестник НГУ*. Сер. Философия. Т. 6. № 3. С. 50-54.

Изгарская А.А. 2022. Геополитические и миросистемные факторы динамики современных обществ: исследование структурных различий. — *Власть*. Т. 30. № 4. С. 14-24.

Кефели И. Ф. 2022. Проблемы обеспечения геополитической безопасности России: материалы заседания Всероссийского научного вебинара по проблемам социальных и гуманитарных наук с международным участием «Соединяем пространства» (26 ноября 2022 г.). — *Respublica Literaria*. № 3(4). С. 181-209.

Коллинз Р. 2009. *Четыре социологических традиции*. М.: ИД «Территория будущего». 317 с.

Коллинз Р. 2015. *Макроистория: очерки социологии большой длительности*. М.: УРСС; ЛЕНАНД. 504 с.

Люксембург Р. 1934. *Накопление капитала*. М.; Л.: Соцэкгиз. 478 с.

Маркс К. 1980. *Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта*. — Маркс К., Энгельс Ф. *Избранные произведения*. В 3 т. М.: Политиздат. Т. 1. С. 418- 516.

Модельски Дж. 2003а. Объяснение долгих циклов в мировой политике: основные понятия. — *Время мира*. Вып. 3. *Война и геополитика* (под ред. Н.С. Розова). Новосибирск: Изд-во НГУ. С. 455-485.

Модельски Дж. 2003б. Системная модель долгого цикла. — *Время мира*. Вып. 3. *Война и геополитика* (под ред. Н.С. Розова). Новосибирск: Изд-во НГУ. С. 486-501.

Поланьи К. 2002. *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени*. СПб: Алетейя. 320 с.

Попков Ю.В., Костюк В.Г. 2022. Проблемы интеграции евразийского пространства и подходы России к их решению. — *Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения*. № 11. С. 15-23.

Скочпол Т. 2017. *Государства и социальные революции. Сравнительный анализ Франции, России и Китая* (пер. с англ. М. Моисеева). М.: Изд-во Института Гайдара. 552 с.

Arrighi G. 1990. The Developmentalist Illusion: a Reconceptualization of the Semiperiphery. — *Semiperipheral States in the World-economy* (ed. by W.G. Martin, I. Wallerstein). N.Y.: American Sociological Association; Greenwood Press. P. 11-44.

Collins R. 1986. *Weberian Sociological Theory*. Cambridge: Cambridge University Press. 356 p.

IZGARSKAYA Anna Anatol'evna, Dr.Sci. (Philos.), Leading Research Fellow at the Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (8 Nikolaeva St, Novosibirsk, Russia, 630090; aizgarskaya@gmail.com)

GEOPOLITICAL AND WORLD-SYSTEM FACTORS OF MODERN RUSSIAN TERRITORIAL DYNAMICS

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the problem of the territorial integrity of Russia, posed by President V.V. Putin. The analysis of the problem was carried out on the base of the synthesis of the theory of geopolitical dynamics by R. Collins, the ideas of the world-system approach and the theory of social revolutions by T. Skocpol. The conditions and main factors that can lead Russian society to disintegration are described on the base of a general model of the growth and decline of the state's geopolitical power in the modern world-system. A number of structural differences have been established in the characterization of historical cases of the collapse of the Russian statehood and their comparative analysis with the current situation is carried out. The author concludes that the fears expressed by the President of Russia about the possible collapse of the state are confirmed by the results of scientific analysis based on proven theories. Broad scientific and expert discussion is necessary for reasonable recommendations to eliminate the existing danger.*

Keywords: *world-system approach, geopolitical theory, theory of social revolutions, territorial dynamics, territorial integrity of Russia*

СУРГУЛАДЗЕ Вахтанг Шотович — кандидат философских наук, ведущий эксперт аналитической группы «С.Т.К.», докторант департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (125167, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-кт, 49/2; bafing@mail.ru)

РОССИЯ – ГОСУДАРСТВО-ЦИВИЛИЗАЦИЯ: К ВОПРОСУ О КОНЦЕПТУАЛЬНОМ ВИДЕНИИ РОЛИ СТРАНЫ В ДОКТРИНАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Аннотация. *В статье представлена эволюция взглядов на место России в мире и ее культурно-историческую сущность, зафиксированная в доктринальных документах государственного стратегического планирования. Автор прослеживает переход от западоцентричной картины мира, ориентированной на интеграцию с Западом, к постановке задач суверенного самобытного развития, для достижения которых в официальный нарратив введены концептуальные положения цивилизационного подхода и тезис о России как государстве-цивилизации. Констатируется концептуальная сложность цивилизационного подхода, обусловленная кризисными явлениями, исторически присущими российской национальной идентичности, которую С. Хантингтон охарактеризовал как «разорванную» в результате многовековой модернизации на базе вестернизации. Автор отмечает высокий потенциал цивилизационного направления исследований в целях защиты национальных интересов, укрепления национальной безопасности и суверенитета, долгосрочного развития России.*